

А. В. Михайлюк

**АНТИПОВЕДЕНИЕ В КУЛЬТУРЕ КРЕСТЬЯНСТВА РОССИИ
КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВВ.**

Понятие «антиповедение», введенное Б. А. Успенским, широко используется в литературе. Под антиповедением понимается обратное поведение, поведение наоборот, сознательно нарушающее принятые социальные нормы. Сущность антиповедения – перевернутость, т. е. замена тех или иных регламентированных норм на их противоположность, причем характер такого противопоставления заранее не определен¹.

Согласно С. Е. Юркову, антиповедение – это есть такая форма намеренного и сознательного отклонения от общепринятой или предписываемой (рекомендуемой властными идеологическими кругами) нормы поведения, которая содержит (в большей или меньшей степени) интенцию на дестабилизацию сложившегося культурно-социального порядка (в предельном случае – на разрушение всей его структуры (т. е. системы норм)². Очень часто оно имело ритуальный, магический характер. По своему происхождению это магическое антиповедение связано с языческими представлениями о потустороннем мире. Будучи антитетически противопоставлено нормативному с христианской точки зрения поведению, антиповедение, выражающееся в сознательном отказе от принятых норм, способствует сохранению традиционных языческих обрядов. Поэтому наряду с поведением антицерковным или вообще антихристианским здесь могут наблюдаться архаические формы поведения, которые в свое время имели вполне регламентированный, обрядовый характер; однако языческие ритуалы не воспринимаются в этих условиях как самостоятельная и независимая норма поведения, но осознаются – в перспективе христианских представлений – именно как отклонение от нормы, т. е. реализация «неправильного поведения»³.

---

¹ Успенский Б.А. Антиповедение в культуре древней Руси // Успенский Б.А. Избр. труды. Т. 1. – М.: Гнозис, 1994. С. 320.

² Юрков С.Е. Антиповедение – гротеск – антимир // Под знаком гротеска: антиповедение в русской культуре (XI – начало XX вв.). – СПб., 2003. С. 19.

³ Успенский Б.А. «Заветные сказки» А. Н. Афанасьева // Успенский Б.А. Избр. труды. Т. 1. – С.131–134.

Крестьянина можно назвать, по К. Марксу, «естественным человеком». Человек более естественен, более человечен, но в то же время и более амбивалентен. «Широта» русской души означает ее амбивалентность. Фрейд писал: «амбивалентность чувств есть наследие душевной жизни первобытного человека, сохранившееся у русских лучше и в более доступном сознанию виде, чем у других народов»¹. Амбивалентность сознания крестьянина охарактеризовал священник И. Хохановский: «В сельском крестьянине человек и зверь живут рядом, и горе, когда этот последний в нем проснулся... Две стороны в душевном составе народа остаются самими собой, ничуть одна другую не покрывая... Высокие качества народной души остаются самими собой, а негативные – самими собой»². «Старый вопрос о том, почему русская душа сочетает в себе противоположные свойства... получает ответ, когда мы переносим свой умственный взор на душу ребенка, где точно так же непредсказуемо и странно соединяются вместе устремления добрые и злые, полезные и вредные»³. По своей психологии, отмечает Б. М. Миронов, русский взрослый крестьянин XIX в., как он изображался в русской классической литературе и как это было в жизни, напоминает подростка⁴. Если попытаться составить обобщенный портрет русского крестьянина, не забыв отбросить элементы ностальгической идеализации, то он предстанет в виде первобытного праведника – его мораль остается за пределами современной этики. Крестьянин одновременно первобытно безгрешен и природно жесток, наивен и хитер – это вечный пасынок насилующей его «самоты» цивилизации⁵.

Культурологи (М. Элиаде, Дж. Кемпбел, В. Тернер и др.) в своих исследованиях традиционных культур не раз обращали внимание на

---

¹ *Эткинд А.* Эрос невозможного: развитие психоанализа в России. – М.: Гнозис; Прогресс-Комплекс, 1994. С. 4.

² *Хохановский И.* Народное мирозерцание в религиозно-моральном и социальном отношениях // Руководство для сельских пастырей. Журнал, издаваемый при Киевской Духовной Семинарии. 1912. Т. 3. № 41 (7 окт.). С. 141.

³ *Карасев Л.В.* Русская идея (символика и смысл) // Вопросы философии. 1992. № 8. С. 93.

⁴ *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода Империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. В 2 т. Т. 2. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. С. 303.

⁵ *Булдаков В.П.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. – М.: Роспек, 1997. С. 50.

такую вещь, как одновременное пребывание архаичного человека якобы в двух измерениях – сакральном и профанном. В результате связанности с природой крестьянство сохраняет мифологическое сознание, мифологически-поэтическое восприятие мира. Крестьянин живет в определенном мифологизированном ритуализованном пространстве. С другой стороны, он живет в мире телесности и предметности. «Космическое, социальное и телесное дано здесь в неразрывном единстве, как нераздельное живет целое»¹. Человек является, прежде всего, «носителем тела», что, в частности, порождает такие черты крестьянской культуры, как отсутствие индивидуальности, восприятия ближнего как, прежде всего, рабочей силы или социальной роли, а не как личности, подчеркнутая грубость и фамильярность взаимоотношений между собой, признание труда лишь как физического, телесного напряжения и недоверия к любому сложному умственному труду, и даже расположенность к телесным наказаниям. Все это делает крестьянина стихийным и даже вульгарным материалистом, порождает конкретность и предметность, принципиальную неабстрактность мышления. Ему присущ способ мировосприятия, который М. М. Бахтин называл «гротескным реализмом». Ведущей особенностью гротескного реализма является снижение, то есть перевод всего высокого, духовного, идеального, абстрактного в материально-телесный план, в план земли и тела в их неразрывном единстве². Крестьянин принижен и «приземлен» – в буквальном и в переносном смысле этого слова. Религиозные символы и политические идеологемы сублимировали крестьянскую «приземленность» и освящали ее языком культурной традиции³.

Религиозность крестьянства была в начале XX в. хотя и всеобщей, но далеко не глубокой. Она имела скорее обрядовый или формальный характер. Под термином «народная вера» обычно понимается комплекс представлений и ритуалов, которые образуют ткань повседневной религиозной жизни рядовых верующих. Важно при этом, что религиозные взгляды носителей традиционной культуры являются органической частью этой культуры, существующей по актуальным для нее законам и правилам. Стержнем всех народных (в первую очередь крестьянских) традиций у России была религия, хотя ее, чаще всего,

---

¹ *Бахтин М.М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. – М.: Худож. лит., 1990. С. 25–26.

² Там же. С. 26.

³ *Гордон А.В.* Крестьянство Востока: исторический субъект, культурная традиция, социальная общность. – М.: Наука, 1989. С. 37.

понимали «не по православному». Под христианским покровом хранились огромные слои язычества. Многочисленные авторы отмечали своеобразие народного православия, которое хранило массу всевозможных суеверий, дохристианских обычаев и обрядов. Крестьянской религиозности были присущи двоеверие и обрядовере.

Некоторые современные исследователи, упрощенно трактуя двоеверие как простое смешивание языческих традиций восточных славян и официального восточно-христианского (православного) культа, приходят к выводу об ошибочности противопоставления православия народного и церковного. При этом народная традиция не противопоставляется христианской, а рассматривается с ней в единстве. Выдвигается теория «религиозных практик», согласно которой «народная религия» являет собой особенную форму религиозной жизни, которая имеет внутреннюю логику и выполняет важные функции в повседневном существовании отдельного человека и его социальной группы¹. С последним утверждением вполне можно согласиться. Но здесь дело не в прямых связях с языческими традициями восточных славян (хотя их нельзя отрицать), а в сохранении языческого типа религиозности, или даже описанного Л. Леви-Брюлем дорелигиозного пралогического типа мышления, уходящего в глубокую архаику.

На мой взгляд, традиционный термин «двоеверие», при всей его условности, адекватно отображает состояние народной религиозности. Двоеверие представляло собой не просто рядоположение или формальное внешнее сочетание двух религий, а их тесное переплетение, внутренний синтез. «Народная вера», интегрировав у себя переделанное и по-своему понятное православие, приобрела синкретический характер. Живучесть язычества определяла «власть земли». Язычество основано на сакрализации природы, то есть «власти земли».

Двоеверие и обрядовере, будучи пережитками язычества, являлись также формой проявления «низовой» народной культуры, оппозиционной официальной культуре «верхов». При этом особенное значение имеет слой традиционной, архаичной ментальности. Архаичные инстинкты и представления постоянно жили в обществе. Присутствие архаики в сознании крестьян начала XX в. непосредственным образом оказывалась во всех сферах повседневной жизни, порождало ряд особенностей мировосприятия и поведения. В определенные эпо-

---

¹ См.: Панченко А.А. Фольклор и религиозная культура русских мистических сект (XVIII – начало XX вв.): автореф. дис. ... д-ра филологич. наук: 10.01.09 – фольклористика. – СПб., 2002. – 31 с.

хи архаичные тенденции поднимались наверх, захлестывали общество и диктовали строй жизни¹.

Традиционная культура, по выражению Ю. М. Лотмана и Б. А. Успенского, это «культура текстов» а не «культура грамматик»². «Культура текстов» означает, что нормативные системы и их ценностные обоснования существуют как бы в виде совокупности прецедентов. Ритуал предстает как древнейший способ сохранения информации в бесписьменном обществе. Ритуал выполняет коммуникативную функцию, он не только фиксирует, но и транслирует передаваемые традицией жесткие культурные структуры, обеспечивая тем же непрерывность культуры³. Информация, которая фиксировалась и хранилась в системе ритуалов, заключала в себе, во-первых, определенную картину мира, а, во-вторых, определенную модель, стереотип, образец поведения людей в особо значимых ситуациях. Смысл ритуала – именно в повторении, в воссоздании сложившейся картины мира и представлений об адекватном поведении. «Традиционному обществу» вообще присущая ритуализация всех сторон жизни, диктат ритуала. Ритуал здесь – одна из основных форм социального контроля. Мифо-ритуальная система – это единство сакрального «слова» и сакрального «действия». Жизнь человека традиционной культуры – это прежде всего выполнение извечного ритуала. Счастье, благосостояние, покой в этой жизни и спасение после смерти может дать лишь «правильное поведение».

В докапиталистических обществах характер массового сознания определяется сращением субъективных и объективных, материальных и духовных, индивидуальных и коллективных принципов и сторон жизнедеятельности. Такая слитность ведет к огромной значимости символа (чаще всего неосознанного, скрытого) – слова и жеста, – неразрывно связанного с мировосприятием в целом, внутренними установками и поведением людей. Символы, сверх своего информационного значения, сакрализованы, они воплощают социальные связи людей и служат средством магического влияния на окружающий мир.

---

¹ Яковенко И.Г. Россия и Запад: диалектика взаимодействия // Россия и Европа в XIX–XX веках. Проблемы взаимовосприятия народов, социумов, культур: сб. научн. трудов. – М.: Институт рос. истории РАН, 1996. С. 20.

² См.: Лотман Ю., Успенский Б. О семиотическом механизме культуры // Учен. зап. Тартуского ун-та. Труды по знаковым системам. – Тарту, 1971. Т. 5. Вып. 284. С. 144–166.

³ Лоренц К. Обратная сторона зеркала. Опыт естественной истории человеческого познания. – М.: Республика, 1998. 493 с.

Символ, в первую очередь слово, соединяя рациональные и эмоциональные начала, воплощает не только миропонимание коллектива, но и его единство, целостность, его основы. Поэтому все, что может быть или даже казаться посягательством на неприкосновенность символа, расценивается в «традиционном обществе» как посягательство на основы, традиции, установленный порядок – на само мироздание. Поэтому одной из главных задач общественной жизни в «традиционном обществе» становится защита символа рядом запретов и комплексом регламентирующих обычаев, подкрепленных системами жесткого духовного контроля и даже морального террора. Жизнь крестьянина была жестко регламентирована, задана или, говоря современным языком, запрограммирована всем хозяйственным укладом, законом и традициями. Регламентация заключалась, в том числе, в табуировании, подавлении телесного начала, что вступало в противоречие с общим доминированием телесного начала в крестьянской культуре.

Необходимость постоянного следования нормативам культуры порождает потребность в хотя бы кратковременном нарушении их, выходе из рамок добропорядочного, размеренного, повседневного «культурного поведения». Иерархия «верха» и «низа», жесткая структуризация социальных связей, противопоставления официальной «серьезности» эмоциональным проявлениям «естественного» поведения объективно противопоставляет «официальную» культуру тем сферам народной культуры, которые находятся в оппозиции к культуре господствующего класса и вырабатывают, как показал М. М. Бахтин, «свою особую точку зрения на мир и особые формы его образного отражения»¹. «Смеялась “вторая природа” человека», смеялся материально-телесный низ, не находивший себе выражения в официальной мировоззрении и культуре»².

Как отмечает Бахтин, карнавальная синтез, характерный для европейских стран (Италии, Франции, Германии), в России «вовсе не совершился: различные формы народно-праздничного веселья как общего, так и местного характера (масленичного, святочного, пасхального, ярмарочного и т. п.) оставались необъединенными и не выделили какой-либо преимущественной формы, аналогичной западноевропейскому карнавалу»³. В целом же, «низовая» культура в России

---

¹ Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. – С. 484.

² Там же. С. 88.

³ Там же. С. 242.

была поставлена в более жесткие рамки, загнана «вглубь» и не находила адекватного легитимного выхода, подобного карнавалу. С другой стороны, карнавал не был локализован во времени и пространстве, переступал отведенные ему пространственно-временные рамки, переходил в реальность, растворялся в повседневности, происходила карнавализация быта. Между сакральным и профанным стирается грань, антиповедение становится своего рода нормой жизни (хотя при этом и осознается как антиповедение). Антиповедение всегда играло большую роль в крестьянском быту, выполняя при этом самые разнообразные функции (в частности, номинальную, вегетативную и т. п.). Очень часто приходится наблюдать экспансию антиповедения, которое никак ситуационно не обусловлено. Но даже в этих случаях антиповедение не приобретает самостоятельный ценностный статус: антиповедение остается обратным, перевернутым поведением, т. е. воспринимается как нарушение принятых норм¹.

Сознание и поведение человека в крестьянской культуре – вечный синтез сакрального и профанного. Повседневная жизнь представляла как постоянное чередование «правильного» (нормативного) и «неправильного» поведения (т.е. антиповедения)². Известная «вольность» традиционна, архетипична и коренится в первоначалах народного бытия. Одновременно же – как это возможно по признаку антитезиса – она является самоотрицанием традиционализма и нарушением всех его канонов и правил. Будучи своего рода «антикультурой», построенной на противопоставлении доминирующей культуре, она были тесно с ней связаны, находились в пределах единой ценностной знаковой шкалы, единого семиотического пространства.

Инвектива выступала как простейший и доступный способ освободиться от культурных норм, снять напряжение, вызванное трудностями их соблюдения, и получить временную психическую разрядку. Инвектива и преодоление табуирования проявлялась в матерных ругательствах, происходящих из языческой архаики и имеющих ритуальные корни³. Здесь проявляется скептически-ироническое отноше-

¹ Успенский Б.А. «Заветные сказки» А. Н. Афанасьева. – С. 131–134.

² Там же. С. 134.

³ См.: Ковалев Г.Ф. Русский мат – следствие уничтожения табу // Культурные табу и их влияние на результат коммуникации: сб. науч. трудов. – Воронеж: ВГУ, 2005. С. 184–197; Михайлин В. Тропа звериных слов: Пространственно ориентированные культурные коды в индоевропейской традиции. – М.: НЛЮ, 2005. – 539 с.; Успенский Б.А. «Заветные сказки» А. Н. Афанасьева. С. 129–150.

ние к господствующим в культуре ценностям, подсознательное понимание их условности и относительности. Нецензурная лексика, которая и по сей день очень характерна для русского языка, а для различных форм антиповедения обращение к ней становится практически неизбежным. Неофициальный, народный язык характерен для мира, выходящего за рамки нормативного общества, правила которого он нарушает. Жизнь, физиологическая деятельность тела неукротима¹.

В системе ценностей православных крестьян праздник занимал важное место. Праздник, по Фрейду, «организованное и торжественное разрушение запрета». В празднике воплощается единство священного и профанного, диалектика порядка и его разрушения. Праздник выступает как один из важнейших для сельской традиции способов контакта с сакральным миром. Но эти контакты не вписывались в христианское миропонимание, сохраняли в себе глубокий пласт архаики. Праздник в народном восприятии был неразрывно связан с выпивкой. Сельское пьянство было обусловлено обрядовыми мотивами и общественными обычаями, имело во многом ритуальный и даже сакральный характер. «Пьянство и праздники – одна из религиозных обязанностей народа», – писал В. О. Ключевский. «Пьянство, разгул, сквернословие, непристойные песни – все это не только «извинительно для праздника», но временами считается даже необходимым», – писал «Церковный вестник»². Народные праздники и гуляния часто сопровождалась озорством. Во время праздников часто совершались хулиганские выходки: запирали снаружи дома, снимали ворота, мазали стены дегтем, выпускали из сараев скот и т. п.³ Допускались самые крайние формы поведения – воровство, хулиганство, драки со взрослыми, пусть даже с родным отцом. Подобные действия являлись пережитками языческих ритуалов. Со временем нарушаются такие существенные черты крестьянского праздника, как его строгая регламентация и обрядность, перестает ощущаться магическая сторона действий и слов, уходят из памяти исконные мотивировки и языческая предназначенность празднества.

---

¹ *Веллар С.* Между нормой и отклонением: Русские пословицы и их obscene варианты // Семиотика безумия. Сб. статей. – Париж; М.: Европа, 2005. С. 79.

² Праздники и народное оскуднение // Церковный вестник, издаваемый при С.-Петербургской духовной академии. 1903. № 12 (20 марта). С. 353–354.

³ Дикая забава // Подолянин. Ежедневная политическая, общественная и сельскохозяйственная газета. – Каменец-Подольский, 1913. 6 дек.

Своеобразной формой антиповедения были переименования, клички. Христианское имя и фамилия существовали как бы сами по себе, официально, но люди знали друг друга и называли «по уличному», по кличкам. Помимо чисто утилитарной функции (когда половина села имеет одинаковую фамилию), переименования и клички представляли собой своего рода инициацию, являлись отголосками языческой архаики. Подобные явления имеют место в уголовном мире, в молодежной среде. «Имя связано с топографическим верхом (оно записано на небесах, оно связано с лицом человека); прозвище связано с топографическим низом, с задом, оно пишется на спине человека. Имя освящает, прозвище профанирует; имя официально – прозвище фамильярно»¹.

Особенно склонна к антиповедению, которое зачастую утрачивает изначальную для антиповедения связь с сакральной сферой, была молодежь. Молодежный возраст вообще и ранняя юность в особенности представляет собой группу повышенного риска в плане возникновения тех или иных девиаций поведения². Согласно народным представлениям, молодежи свойственны некие природно-полудикие свойства, так же как и связь с нечистой силой. Недаром молодежные посиделки происходили в местах, которые считались обиталищем нечистой силы, сверхъестественных существ: в банях, у реки, на опушке леса³.

На рубеже XIX–XX вв. в Российской империи происходила масштабная социокультурная трансформация общества, которая сопровождалась кризисом традиционных представлений и ценностей большинства населения. Когда сельская культура после многих лет закрытости вдруг открывается миру, она начинает поддаваться интенсивной экспансии далекой ей городской культуры, причем не наивысшего качества.

Пореформенная капиталистическая эволюция внесла в традиционный способ жизнь крестьянства ряд радикальных изменений и отразилась на его социально психологической самобытности. В результате ускоренной, навязанной извне модернизации нарушается замкнутость сельской жизни, происходит наслоение культурных пластов, в одно и

---

¹ Бахтин М. М. Дополнения и изменения к «Рабле» // Вопросы философии. 1992. № 1. С. 148.

² Кон И.С. Психология ранней юности. – М.: Просвещение, 1989. С. 237.

³ Бернштам Т.А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX – начала XX вв.: Половозрастной аспект традиционной культуры. – Л.: Наука, 1988. С. 229–230.

то же время сосуществуют и эклектически смешиваются разные культурные формы, возникает ситуация «подмены языков», когда культурные формы под воздействием необычных ситуаций, необычных интенций вынуждены функционировать необычным образом, в результате чего и возникает социальный конфликт. В крестьянском сознании гротескно, переплетались традиционные и новые, порожденные вторжением современной цивилизацией, смыслы и представления.

Процессы модернизации, разрушая традицию давали, своеобразный стимул проявлениям «низовой» культуры, подавляемой православием. В народных верованиях наблюдается архаизация и возврат к разного рода суевериям и пережиткам язычества. Десакрализация являлась важнейшей тенденцией изменений в культуре, настроения не верия, сомнения, поругания старых символов охватило широкие слои как «верхов», так и «низов» общества. Происходила, используя терминологию М. М. Бахтина, карнавализация сознания.

Отмечается экспансия антиповедения. Проявлением антиповедения стало хулиганство. Хулиганство воспринималось современниками как возникшее внезапно и в массовой форме. Этот вид преступности, впервые отмеченный в городах, получил распространение и в сельской местности. Хулиганство генетически связано с народной «смеховой» культурой.

Определяющей чертой хулиганских действий была их явная нелогичность, иррациональность. В основе хулиганских действий – игра, удал, озорство, забава, шутка, насмешка. В хулиганстве проявился неосознанный бунт против господствующей культуры, обесценивание культурных норм и ценностей. Хулиганство генетически связывалось с кощунственным отношением к религии и церкви, хулиган осмеливался разрушить установленную официальной культурой между «сакральным» и «профанным» через акт сознательной (или неосознанной) профанации сакрального. Объектом насмешек и хулиганских выходов часто становились приходские священники.

Хулиганство, охватившее, главным образом, молодых мужчин, кроме всего прочего, имело выраженный характер сексуальной агрессии. Хулиганство, в частности, выражалось в публичном сквернословии, оскорблении женщин и девушек, сексуальных домогательствах¹.

---

¹ См.: Михайлюк О.В. Хуліганство в селах Наддніпряньської України на початку ХХ ст. // Питання аграрної історії України та Росії: Матеріали вось-

Экспансия антиповедения наблюдается во время крестьянских бунтов и беспорядков. В бунтах нашла проявление «низовая» народная культура с ее уходящими корнями в архаику представлениями о «мире ином», «золотом веке» как о снятии всех рамок и запретов, вседозволенности, свободе как воле. В. Белинский писал: «В понятии нашего народа свобода есть воля, а воля – озорничество. Не в парламент пошел бы освобожденный народ, а в кабак побежал бы он, пить вино, бить стекла и вешать дворян, которые бреют бороду и ходят в сюртуках, а не в зипунах»¹.

Вообще бунт против порядков этого мира естественно стимулирует и санкционирует антиповедение, т. е. закономерно облекается в соответствующие формы². В определенные периоды времени антиповедение становится наиболее актуальной формой поведения, воспринимается как норма. В мире «наоборот» и вести себя следует «наоборот». Таким временем, когда мир «переворачивается», становится «миром наоборот» и есть время революции, когда старые нормы не действуют, ценности обесцениваются, сакральность профанируется, кумиры развенчиваются. Но антиповедение не приобретает самостоятельного ценностного статуса: антиповедение остается обратным, перевернутым поведением, то есть воспринимается как нарушение принятых норм³.

Таким образом, антиповедение всегда играло большую роль в крестьянском быту. Оно было связано с присутствием языческой архаики в крестьянской культуре. Со временем антиповедение утрачивало изначальную связь с сакральной сферой, растворялось в быту. В антиповедении проявлялся неосознанный бунт против господствующей культуры, обесценивание культурных норм и ценностей. Процессы модернизации, разрушая традицию, давали своеобразный стимул проявлениям «низовой» культуры, приводили к экспансии антиповедения.

мих наукових читань, присвячених пам'яті Д. П. Пойди: Зб. наук. праць. – Дніпропетровськ, 2010. С. 74–81.

¹ *Белинский В.Г.* Письмо Д. И. Иванову 7 августа 1837 г. // *Белинский В.Г.* Собр. соч. В 9 т. Т. 9: Письма 1829–1848 годов. – М.: Худож. лит., 1982. С. 46–60.

² *Успенский Б.А.* Антиповедение в культуре древней Руси // *Успенский Б.А.* Избр. труды. Т. 1. – М.: Гнозис, 1994. С. 329–330.

³ *Успенский Б.А.* «Заветные сказки» А. Н. Афанасьева. – С. 134.